
Алексей Александров
Хранители пути

Алексей Александров

Хранители пути

«Автор»
2026

Александров А.

Хранители пути / А. Александров — «Автор», 2026

«В повести Хранители пути прошлое не прячется в учебниках — оно ждёт на берегу, в метках мелом, в могильных камнях, в строчках дневника.Группа туристов 1984 года находит на маршруте следы другой судьбы — Петра Авдеева, бывшего военнопленного, ставшего единственным заслоном на пути диверсионной угрозы. Его дневник — не отчёт и не подвиг, а честный рассказ человека, который делал, что должен, и думал о тех, кто придёт после.Соединяя школу водного туризма и эхо войны, Хранители пути показывают, как личная ответственность становится историей места, а маленькая подсказка — настоящей страховкой сквозь десятилетия».

© Александров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 11

Хранители пути

ХРАНИТЕЛИ ПУТИ
Алексей Александров
Рассказ
Ярославль, 2019
Примечание автора

В 1930–1950-е годы самодеятельный туризм в СССР стал массовым и одновременно очень строгим. Это был не отдых в привычном смысле, а почти производственная задача: пройти маршрут заданной категории сложности, уложиться в сроки, не потерять ни одного человека, сдать отчёт с фото-фиксацией. Туристические клубы открывались при заводах, институтах, школах: в них учили читать карту, вязать узлы, оказывать первую помощь, собирать рюкзак так, чтобы ничего лишнего, но и ничего не забыть.

Значок «Турист СССР» получали только после выполнения нормативов: минимум два похода (пешеходный, водный или лыжный), знание основ топографии и метеорологии, умение ориентироваться без компаса. Для школьников в 1954 г. появится значок «Юный турист СССР». Маршруты в те годы утверждались маршрутно-квалификационными комиссиями (МКК): там проверяли план, состав группы, квалификацию руководителя, аптечку — и не утверждали маршрут, если видели риск. Это была не бюрократия, а система безопасности: в глуши не на кого было надеяться, кроме как на себя и на своих.

Именно эта культура дисциплины, взаимовыручки и уважения к месту легла в основу истории, которую вы прочтёте.

Пролог

конец июля 1944 года, север Карелии

Вечер опускался на берег реки Воньги медленно, по-северному: не проваливался во тьму, а стекал по скалам серой дымкой, смешиваясь с паром от котелка и запахом горелой смолы. На узкой полосе гальки стояли три старые армейские брезентовые палатки, а рядом, на плоском камне, кто-то аккуратно выложил из гальки стрелку — на север, к следующему порогу.

У костра сидели шестеро. На куртках у двоих поблёскивали значки «Турист СССР» — их носили не напоказ, а как документ: «я прошёл маршрут, я умею вязать узлы, я не подведу». У одного мужчины на коленях лежала потрёпанная тетрадь с таблицами: расчёт веса снаряжения на человека, нормы продуктов, список аптечки. Рядом, придавленная камнем, стелилась карта с пометками простым красным карандашом: «осторожно: камни под водой», «пена дугой — значит, камень», «стоянка: сухо, ветер с юга, гнуса мало».

Они не называли себя искателями приключений. В их лексиконе было другое слово — «участники». Участники маршрута. И маршрут этот был не просто линией на карте: он был нормой, дисциплиной, способом проверить себя и научиться держать своё слово.

Снаряжение было простым и тяжёлым: армейские брезентовые палатки с металлическими стойками, ватные спальники, алюминиевые котелки, рюкзаки «колобки»[1]. Фотоплёнка была дорогой и каждый кадр берегли: снимали не «красиво», а «информативно» — ориентиры, стоянки, опасные места.

Тот вечер у костра на Воньге закончился тихо. Когда доели кашу с тушёнкой, самый опытный из группы, бывший гидролог[2], достал маленький блокнот и записал: «17.08.44. Сто-

[1] Рюкзак «колобок» — это историческая модель советского туристического снаряжения. Своё название он получил из-за характерной шарообразной формы в заполненном виде, напоминающей круглый хлебный каравай.

[2] Гидролог — это специалист, который изучает водные ресурсы Земли: их распределение, движение, свойства и процессы, которые происходят в гидросфере (реках, озёрах, подземных водах, ледниках, океанах).

янка у порога Горбатый. Ветер северо-западный, 3–4 м/с. Уровень воды — средний. Следов свежих паводков нет. На скале у воды — старые метки мелом, почти стёрлись. Группа в норме».

Никто не знал, что через сорок лет эти строчки помогут другой группе понять, как менялась река. Никто не знал, что стрелка из гальки станет для кого-то первым доказательством: здесь были люди, и они думали не только о себе.

На скале, над стоянкой, с трудом стоял человек и смотрел на костёр. Он не двигался — только держал в руках маленький клочок бумаги и карандаш, будто не решался записать то, что видел. Бушлат на нём выцвел до серого, сапоги были потертыми от долгих переходов, а на запястье остался след, который не сотрется уже никогда. Он смотрел на огонь, на людей, на стрелку из гальки, которую сам же и выложил вечером, — и не пошёл вниз. Он не мог объяснить им, кто он. А они не смогли бы поверить. Поэтому он просто постоял в темноте и ушёл — так тихо, что даже галька не скрипнула под ногами. Пётр Авдеев видел их. Но мешать им не стал.

Глава первая

июль 1984 года, исток реки Воньги

Берег у истока Воньги встретил группу не гостеприимной тишиной, а резким ветром, который тут же принялся трепать брезент и швырять в лицо холодные брызги. Река здесь была не той спокойной лентой, что рисуется в мечтах о сплаве: она бурлила, пенилась, будто торопилась куда-то, и даже на берегу чувствовалась её буйная, упрямая сила.

Новые байдарки «Таймень»[3] лежали на гальке, мощные и строгие, как новые рабочие машины: алюминиевый каркас, туго натянутая оболочка — без лишних украшений, зато способные выдержать и удар о камень, и тяжёлый груз. Последний старый «Салют»[4] казался угловатым рядом с ними, но был по-прежнему крепок — и не раз уже побывал в порожистых реках. Пока группа выгружала рюкзаки, разборные секции и вёсла, Владимир Викторович спокойно раскладывал на плоском валуне карту и сверял её с местностью, будто пытался поймать ритм реки. Рядом суетился Вадик — он то и дело заглядывал в карту, потом вскидывал голову, щурился на скалы и снова склонялся над листом, словно боялся, что местность вот-вот изменится, а он не успеет её запомнить.

— Не торопись, — спокойно сказал Евгений Борисович, подходя к нему и кладя рядом потрёпанный компас. — Карта не любит суеты. Она говорит тихо. Надо перестать слушать себя и начать слушать её.

Вадик покраснел, но кивнул.

— Тут вот эта линия… изобата[5]… она делает изгиб. Вы говорили, что это значит камень под водой. Но я не вижу пены.

Евгений Борисович прищурился, глядя на воду.

— Пена не всегда видна сразу. Смотри не на середину потока, а на края. Видишь, как вода чуть приподнимается у того выступа? Это значит, что под ней что-то есть. Изобаты не врут. Они лишь требуют, чтобы ты смотрел внимательно.

Вадик снова склонился над картой, теперь уже медленнее, и вдруг выдохнул:

— Ага… вот он. Камень. Он как будто держит течение.

---

[3] Байдарка «Таймень» — классическая туристская каркасная модель второго поколения, которая выпускалась заводом «Салют» с конца 1970-х годов. Конструктором считается Валентин Алексеевич Строгонов.

[4] Байдарка «Салют» — одна из первых в СССР разборных каркасных байдарок. Её разработал инженер Довгалевский, а серийно выпускал московский завод «Салют» с 1965 по 1978 год. Позже модель сменила серия «Таймень». Долгое время это был один из немногих вариантов для самодеятельного водного туризма, поэтому «Салют» получил большую популярность.

[5] Изобата — это линия на карте, которая соединяет точки с одинаковыми глубинами водоёма (океана, моря, озера и т.п.).

— Именно, — кивнул Евгений Борисович. — Река всегда рассказывает, где ей тяжело. Наша задача — слушать и видеть, а не спорить.

В стороне Костя, не в силах стоять без дела, схватил нос одной из байдарок и попытался поднять её в одиночку. Каркас качнулся, оболочка отозвалась напряжённым шорохом, а сам Костя чуть не потерял равновесие.

— Стой! — Денис оказался рядом мгновенно, будто и не ходил никуда, просто стоял где-то рядом и ждал, когда понадобится. — Не тяни рывком. Сила важна не только, чтобы поднять. Сила важна — чтобы удержать.

Костя замер, тяжело дыша, и смущённо опустил руки.

— Я хотел помочь.

— Ты помогаешь, — спокойно ответил Денис. — Но помогать надо умно. Давай так: ты держишь ровно, а я закреплю стропы. Потом вместе поднимем. И ещё: научись вязать узел. Не для красоты, а чтобы он держал, даже если всё вокруг трясёт течением.

Он достал моток верёвки и положил её перед Костей.

— Это встречный узел. Он не ползёт и не затягивается намертво. Смотри: одна петля, потом вторая, перекидываешь, затягиваешь. Главное — чтобы концы были одинаковой длины. Если один длиннее, узел может ослабнуть.

Костя повторял за ним, медленно, стараясь не торопиться. Денис кивал, поправлял пальцы, но не делал всё за него.

— Вот, — наконец сказал он. — Теперь ты знаешь, как держать. А остальное придёт.

Лёша, тем временем, раскладывал аптечку прямо на брезенте: бинт, жгут, перекись, обезболивающее, пластырь, ножницы, перчатки. Он делал это не торопясь, но очень точно, будто каждое движение было отрепетировано.

— Слушайте, — сказал он, когда все понемногу собрались вокруг. — Лучше знать сейчас, чем вспоминать потом. Если кто-то поранится, не прячьте это. Царапина — тоже рана. Если кровь идёт сильно — сразу ко мне. Жгут накладывается выше раны, но не на голое тело. И не держите его дольше часа без контроля. Если не уверены — не накладывайте, просто сильно прижмите.

Дима, стоявший чуть в стороне, нервно потёр локоть.

— А если просто комар укусил?

— Комар — это не ко мне. Но если опухнет, покраснеет, станет горячим — это уже может быть реакция. Тогда тоже ко мне. Лучше перестраховаться.

Катя, которая до этого просто наблюдала за всем, вдруг тихо сказала:

— Мне кажется, это страшно. Готовиться к тому, что кто-то пострадает.

Лёша посмотрел на неё и чуть смягчился.

— Страшно, когда не знаешь, что делать. А когда знаешь — уже не так страшно. Мы не ждём беды. Но не хотим, чтобы она застала нас врасплох.

Когда снаряжение было распределено, а байдарки большей частью собраны, Евгений Борисович встал на краю берега, где галька переходила в воду, и поднял руку. Разговоры стихли сами собой.

— Главное правило, — его голос звучал негромко, но так, что его слышали все. — Не геройствовать. Второе — слушать воду. Третье — держать верёвку. Если забудете что-то из этого — вспомните только третье. Верёвка связывает нас не только на воде. Она связывает нас здесь, сейчас. И если кто-то тянет — мы тянем вместе.

Владимир Викторович шагнул вперёд и добавил:

— И ещё одно. Мы идём не просто по реке. Мы идём по следам тех, кто был здесь раньше. Не стирайте эти следы. И не оставляйте таких следов, которые стыдно будет увидеть потом.

Глава вторая

июнь 1984 года, порог Горбатый,

Перед самым закатом группа подошла к порогу Горбатый. Он не был серьезным в это время года, но был жестким: вода разбивалась о камни, кружилась, пыталась сбить с курса. Евгений Борисович глядел на него долго, молча, будто разговаривал с ним.

— Проходим с осмотром, — наконец решил он. — Сначала один человек идёт вдоль берега, смотрит, где камни, где ямы. Потом байдарки проводим по одной, со страховкой. Никакой спешки.

Денис кивнул и, не дожидаясь приказа, шагнул на кромку воды — там, где галька сменялась скользкими плитами. В руке у него был спасательный конец — ярко-оранжевая «морковка» с петлёй на конце. Он двигался медленно, ставя ноги туда, где камень был шершавым, а не гладким от воды.

— Смотри на пену, — тихо сказал он Вадику, который шёл следом. — Стоящая пена — значит, камень. Бегущая пена — слив. Видишь, у левого берега вода приподнимается? Там лежит плита. Она не даёт потоку разогнаться, но может ударить вскользь по борту, если подойти близко.

Вадик прищурился, вглядываясь в воду, и вдруг выдохнул:

— Ага… вот он. И ещё один, чуть ниже. Они как будто держат течение.

— Именно, — кивнул Денис. — Река всегда рассказывает, где ей тяжело. Наша задача — слушать и видеть, а не спорить…

Когда берег был пройден и самые опасные места отмечены, Евгений Борисович собрал группу у кромки воды.

— Первая байдарка — Денис и Владимир Викторович. Страховка с берега — Костя и Катя. Держите верёвку ровно, без рывков. Если байдарку начнёт крутить — не тяните против течения: дайте ей пройти, а потом подтягивайте. И главное — не наматывайте петлю на руку. Ловите петлю — и сразу стопорьте. Поняли?

Костя сглотнул, но кивнул. В его руках верёвка казалась живой — она чуть подрагивала от напряжения, будто хотела вырваться.

— Не бойся, — спокойно сказал Денис, проходя мимо. — Верёвка — это не враг. Это продолжение тебя. Держи её так, будто это рука товарища.

Первая байдарка вошла в поток почти бесшумно — только вода ударила в борт, попыталась развернуть лодку, но верёвка держала, руки держали, и байдарка уверенно пошла вперёд, огибая камни, слушая реку. Денис работал веслом чётко, без лишних движений: короткий гребок — короткий табан — снова гребок. Владимир Викторович смотрел вперёд, на линию слива, и тихо считал:

— Раз… два… три… Держим ритм.

Когда байдарка вышла из порога и встала у спокойного плёса[6], Костя, наконец, выдохнул. Верёвка в его руках перестала дрожать.

— Молодец, — сказал Евгений Борисович. — Ты не просто держал. Ты чувствовал. Это самое важное.

Вторая байдарка — Евгений Борисович и Вадик — шла уже спокойнее: Костя теперь знал, что делать, и держал верёвку так, будто она была продолжением его собственных рук. Вадик сидел на носу, напряжённый, но внимательный, и каждый раз, когда вода приподнималась у камня, он тихо шептал:

— Стоящая пена… камень…

Третья была самой сложной — Лёша на корме, Дима на носу. Дима всё ещё нервничал, и его весло то и дело сбивались с ритма.

---

[6] Плес - глубоководный широкий участок реки с медленным течением, свободный от подводных опасностей

— Не торопись, — спокойно сказал Лёша. — Тут не нужно быть быстрее. Тут нужно быть точнее. Смотри на воду, а не на меня. Видишь, как она ложится на камень? Это твой ориентир.

Дима кивнул, сжал весло — но уже не до побелевших костяшек: ровно, уверенно.

— И ещё. Если почувствуешь, что теряешь контроль — скажи. Не геройствуй. Мы все здесь для того, чтобы поддержать друг друга.

Байдарка вошла в порог, и на секунду показалось, что течение вот-вот развернёт её боком. Но Дима поймал ритм, весло пошло в такт с Лёшиным веслом, и лодка двинулась вперёд, огибая камни, как будто знала дорогу.

Последней шла четвёртая — Костя и Катя. Костя греб ровно, без рывков, а Катя на носу старалась не смотреть на воду — и смотрела на пену. Как учили. Байдарка прошла чисто, и только у самого слива её чуть качнуло — но Костя коротким табаном выровнял корму, и лодка выскользнула на тихий плёс.

Когда все четыре байдарки стояли на спокойной воде, группа собралась у костра. Огонь развели на сухом месте, подальше от ветра, и сидели, молча, слушая, как река шепчет что-то своё, далёкое.

Потом Евгений Борисович достал старую тетрадь и начал рассказывать:

— В сорок втором году здесь выводили людей. Не туристов, не спортсменов — просто тех, кому нужно было уйти. И они оставляли метки: на камнях, на деревьях, в записках. Не для славы, а чтобы другие поняли: тут можно пройти, но осторожно. Одна ошибка — и река забирает своё. Эти метки спасали жизни. Не громкие слова, не клятвы, а просто короткие знаки: стрелка, цифра, крестик.

Он помолчал, глядя в огонь.

— Мы не должны быть громче реки. Но мы должны быть внимательнее.

Лёша сидел, опустив плечи, и думал о том, что медицина — это тоже метки. Не на камнях, а в памяти: что делать, если станет плохо, как не дать беде стать больше, чем она есть. Костя смотрел на верёвку, которую держал весь день, и впервые понял, что держать — это не просто не отпускать. Это значит быть готовым к тому, что тебя потянут. Вадик смотрел на карту и думал, что теперь она перестала быть просто линиями. Она стала голосом места.

Глава третья

июнь 1984 года, порог Собачий

Собачий не кричал — он рычал. Низкий, тяжёлый звук шёл от воды, будто река сжимала кулаки перед ударом. Порог стоял в сужении: скалы поджимали русло, и течение, потеряв простор, становилось злым и упругим. С берега линия движения читалась ясно: заход чуть правее центра, потом резкий уход влево, почти впритирку к гряде камней, и дальше — по дуге, где вода, сбившись о плиту, давала короткую передышку.

Евгений Борисович стоял на краю плиты, где галька сменялась гладким, отполированным камнем, и смотрел на воду так, будто читал письмо, написанное пеной и брызгами.

— Сегодня работаем связками, — спокойно сказал он. — Первая пара — Денис и Владимир Викторович. Страховка с берега — Катя и Костя. Держите «морковку» так, чтобы петля летела ровно, без закрутов. Если кто-то уйдёт в самосплав — ловите петлю, не наматывайте на руку. Это правило номер один.

Катя кивнула, проверяя узел на петле. Костя стоял рядом, пальцы чуть подрагивали, но он не прятал рук — наоборот, сжимал верёвку крепче, будто хотел доказать себе, что теперь умеет держать.

— И ещё, — добавил Евгений Борисович. — Если байдарка встанет на камень — не дёргайте. Дайте воде самой снять её. Рывок только загонит глубже.

Денис и Владимир Викторович вошли в воду первыми, направляя веслами свою «Таймень». Лодка скользнула по течению, нос чуть приподнялся, будто прислушиваясь, и пошла ровно, уверенно. Они не спешили: перед самым заходом в слив Денис коротко подтабанил, выравнивая курс, а Владимир Викторович смотрел вперёд, на линию пены, и тихо считал:

— Раз… два… три… Держим кромку.

Байдарка прошла заход чисто, ушла влево, огибая гряду, и на секунду будто повисла на гребне, а потом плавно съехала по дуге в плес. Оттуда Денис махнул рукой: «Чисто!» — и взял в руки второй конец для страховки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.